

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории

На правах рукописи

Андреев Дмитрий Анатольевич

«Красное студенчество» в начале 1920-х гг

Специальность – 07 00 02 – «Отечественная история»

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2007

Работа выполнена в отделе современной истории Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук и на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге

Научный руководитель доктор исторических наук профессор
Сергей Викторович Яров

Официальные оппоненты доктор исторических наук, профессор
Андрей Борисович Николаев

кандидат исторических наук, доцент
Андрей Игоревич Лейберов

Ведущая организация

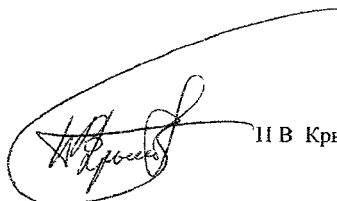
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Защита диссертации состоится 30 октября 2007 г в 14 30 на заседании Диссертационного совета Д 002 200 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при С-Петербургском Институте истории РАН (197110, С-Петербург, Петрозаводская ул , д 7)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН

Автореферат разослан « » сентября 2007 г

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

И В Крылов

Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертационного исследования определяется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, перемены в области российского образования, происходящие в данный момент, обуславливают обращение к накопленному историческому опыту. Во-вторых, диссертант полагает, что изучение идеологии позволит более глубоко оценить действие механизмов идеологического влияния на людей в начале 1920-х гг. Без этого невозможно полное исследование социокультурного феномена «советского человека», реакции советских людей на происходящие вокруг перемены. Кроме того, среди историков нет единого мнения относительно «красного студенчества» как особой создаваемой властью в стенах высшей школы, социальной группы. Появление доступа к ранее закрытым источникам дает возможность не только рассматривать новые сюжеты, но и изучать уже знакомые сюжеты в ином ракурсе.

Объект исследования Главной задачей диссертанта было изучение идеологии «красное студенчество». Под ней имеется в виду употребляемое в первой половине 1920-х годов в советской прессе, публицистике и, отчасти, в эмигрантской литературе, в выступлениях большевистских лидеров, в документах высшей школы словосочетание, имеющее идеологический оттенок. Оно включало в себя набор качеств, образцов поведения, речи, определенные этапы биографии. Соответствие этому образцу позволяло учащимся идентифицировать себя с «красным студенчеством», что было не только выгодно, но иногда даже необходимо (например, в период прохождения чистки или зачисления на стипендию). Монополия на средства печати позволила большевикам беспрепятственно пропагандировать эту идеологию на страницах журналов и публицистических сборников. Идеология должна была помочь отделить «своих» от «чужих» и четко указать цели, стоящие перед «красным студенчеством». Она также помогала упрочить конформистские стратегии следуя всем нормативным указаниям, можно было успешно приписать себя к «красному студенчеству».

Цели и задачи исследования Цель диссертации – провести комплексное исследование идеологии «красное студенчество» в контексте большевистской политики в области высшего образования в период с 1921 по 1924 гг.

В связи с этим автор предполагает

- Изучить государственную политику комплектования высшей школы посредством правил приема в вузы и рабочие факультеты и материального обеспечения учащихся, уделяя особое внимание привилегиям, которые предоставлялись определенным социальным группам студентов, а также зигзаги этой политики на протяжении первой половины 1920-х годов.
- Рассмотреть составляющие идеологии «красное студенчество», пропагандируемой в советской прессе и публицистике, исследовать

характеристики, соответствие которым позволяло учащимся вузов и рабфаков представить себя в качестве «красных студентов»

- Выявить споры внутри большевистского руководства относительно как самой идеологии, так и образовательной стратегии в целом, и показать влияние этих дискуссий на изменение государственной политики в области высшего образования в исследуемый период
- Рассмотреть меры, осуществляемые Народным комиссариатом по просвещению для создания «социалистической школы», для удовлетворения запросов «красного студента», либо с целью его «политического воспитания» изменение академических программ, политизацию учебного процесса и студенческого досуга
- Выявить авторство и происхождение идей, положенных в основу как идеологии, так и реформирования высшей школы
- Проследить особенности самопредставления студентов в апелляционных заявлениях в Центральную комиссию по проверке состава студентов вузов, выявить те характеристики и нормы, с помощью которых они представляли себя власти и сравнить их с предлагаемыми властью образцами

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1924 гг. В качестве исходной даты был выбран 1921 г. - время появления идеологии «красное студенчество» на страницах советских периодических изданий. В этом же году было объявлено о начале «пролетаризации» высшей школы, что повлекло серьезные изменения порядка комплектации вузов и распределения материального довольствия среди студентов высшей школы в пользу студенчества рабочего или крестьянского происхождения. Конечная дата - 1924 год - обусловлена тем, что после чистки вузов, прошедшей в мае-июне 1924 г., Народный комиссариат по просвещению объявил о завершении «пролетаризации» высшей школы. Этим решением также официально был отменен важнейший для изучаемого периода идеологический постулат об обязательности рабочего или крестьянского происхождения «красного студента». Хронологические рамки исследования охватывают, таким образом, не весь период существования идеологии, но только первый этап, включающий в себя попытку «пролетаризации» высшей школы и дискуссии вокруг вопроса о необходимости рабоче-крестьянского происхождения советских студентов.

Теоретико-методологическую основу исследования являются принципы историзма, объективности и научности. В работе используются методы общенаучного и специального характера: системный, аналитический, комплексный анализ явлений, используется контент-анализ.

Степень разработанности проблемы Несмотря на наличие значительного количества работ по истории советской высшей школы в 1920-е гг., имеется мало исследований, посвященных изучению идеологии «красное студенчество», ее использованию учащимися и ее значению в деле «политического воспитания» студентов

Часть исследований касалась либо советской государственной политики в области высшей школы, либо политической борьбы в вузах в 1920-е гг.¹ Среди работ, посвященных государственной политике в области высшей школы, следует выделить монографию А. П. Купайгородской,² в которой на материалах Петрограда-Ленинграда воссоздана подробная картина реформирования вузов, показаны механизмы распределения стипендий и других форм материального довольствия, приведена статистика увеличения среди студентов числа лиц – выходцев из рабочей или крестьянской среды, раскрыты изменения в учебном процессе. При изучении политической борьбы в вузах в 1920-е гг. и т.н. «пролетаризации» высшей школы советские исследователи использовали данные о количественном увеличении числа «студентов-пролетариев», содержащиеся в официальных отчетах администраций вузов. А. П. Купайгородская указала как на неточность этих цифр (вузовская администрация могла нарочито завышать процент студентов-«пролетариев»), так и на неопределенность некоторых социальных категорий студентов (таких, например, как «менцане», «дети купеческого звания», «прочие» и др.)

Проблематика социальной идентичности студентов рассматривалась в ряде статей американской исследовательницы Ш. Фитцпатрик, изучавшей стратегии приписывания к классу.³ Ш. Фитцпатрик подчеркивает, что существовало множество «поведенческих стратегий, направленных на то, чтобы избежать классового клейма»⁴ Студенты для успешного прохождения курсов и поступления в вуз (в условиях «классовости» приема 1920-х гг.) также использовали стратегии самоприписывания к классу. Это могло быть публичным отказом от «буржуазных» родителей или усыновлением студента родственниками с более выгодной социальной принадлежностью.⁵ Благодаря работам Ш. Фитцпатрик в историографии была обозначена новая проблема – сущность классовых ярлыков

¹ Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи (Из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за молодежь 1917 - 1924 гг.) М., 1980, Шмелев А. Борьба РКП(б) против троцкизма за студенческую молодежь (1923 - 1924) // Борьба ленинской партии против оппортунизма Л., 1980, Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма Л., 1972

² Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда (1917 - 1925) Л., 1984, Она же. Советская высшая школа в 1917 - 1927 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук Л., 1990

³ Фитцпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 174 - 207, Fitzpatrick Sh. The Problem of Class Identity in NEP Society // Russia in The Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture. Bloomington and Indianapolis. Indiana University Press. 1991. P. 12 - 33

⁴ Фитцпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации С. 186

⁵ Fitzpatrick Sheila. The Problem of Class Identity in NEP Society P. 26

Другим направлением является исследование «советской субъективности» Здесь следует выделить работы И Халфина,⁶ в которых изучаются, в частности, студенческие автобиографии (сосоставление которых было обязательно для вступления в партию через университетскую партийную ячейку) периода НОПа. Они, как показывает И Халфин, были выполнены по определенным законам неких письменно незафиксированных, но активно используемых жанров. Для каждого класса существовал свой перечень обязательных характеристик, которые помогали человеку быть признанным достойным вступления в партию.

Значительный интерес представляют работы канадского исследователя П Конечного о петроградском (ленинградском) студенчестве.⁷ Автор изучает такие вопросы, как представления коммунистической партии об идеальных стандартах социального и политического управления студентами в 1920-30-е годы, особенности нового быта и при изучая крупнейшую студенческую чистку первой половины 1920-х гг (чистка 1924 г), автор приходит к выводу о ее хаотичном характере, что привело к восстановлению в вузах большого количества отчисленных студентов уже к концу 1924 года. Интересен отход в работе П Конечного от утвердившегося в историографии понимания студенческих чисток исключительно как политических мероприятий, направленных на исключение из вузов «чуждых элементов».

Следует также отметить монографию краснодарского историка А Ю Рожкова,⁸ в которой автор попытался исследовать целый ряд проблем, относящихся к студенчеству 1920-х годов. Среди них - государственная политика в области высшей школы, чистки 1920-х годов, взаимоотношения «старого» и «нового» студента и характеристика этих типов студенчества, бюджет времени, быт и одежда, материальное обеспечение и питание, досуг и развлечения.

Единственным на сегодняшний день комплексным исследованием студенчества первых послереволюционных лет являются работы А Р Маркова об эволюции социально-психологического облика петроградских студентов в 1914 – 1925 годы.⁹ Автор изучает особый студенческий язык, «кодекс» чести, повседневные практики (распорядок дня,

⁶ *Halfin I* Terror in My Soul. Communist Autobiographies On Trial. London, 2003, *Halfin I* From Darknes To Light Student Communist Autobiography During NEP // *Jahrbucher fur Geschichte Osteneuropas* 45 (1997) P 210-236

⁷ *Konecny, P* Chaos of Campus. The 1924 Student *Proverka* in Leningrad // *Europe-Asia Studies* 1994 Vol XLVI № 4 P 617 - 635, *Konecny P* Revolution and Rebellion. Students in Soviet Institutes of Higher Education, 1921-1928 // *Canadian Journal of History* 1992 December P 451 – 473, *Library Hooligans and Others. Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924-38* // *Journal of Social History* Fall 96 Vol 30 Issue 1 P 97-128, *Konecny P* Builders and Deserters. Students, State, and Community in Leningrad, 1917-1941. Montreal: McGill-Queen's University Press 1999

⁸ *Рожков А Ю* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Кн 1-2. Краснодар, 2002

⁹ *Марков А Р* Что значит быть студентом. Работы 1995 – 2002 г. М., 2005, *Он же* Студенчество Петрограда в 1914 -1925 гг. социально-психологический облик // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук СПб., 1997

географию отдыха и развлечения, стили сексуальной жизни) петроградских студентов, реконструируя, таким образом «социально-психологический облик» студенчества в 1914-1925 и его изменения в первой половине 1920-х годов. Рассматривая вопрос о столкновении так называемого «старого» и «нового» («белого» и «красного») студенчества – вопрос неоднократно поднимавшийся в историографии, – А. Р. Марков приходит к выводу о том, что это был скорее не политический, а культурный конфликт различных стилей жизни, понимания самого слова «студент». Изучение А. Р. Марковым политической культуры и повседневных практик петроградского студенчества показывает сложность и многоаспектность проблемы конфликта, не сводимой к противостоянию «пролетарских» и «буржуазных» студентов на основании марксистской схемы о классовой борьбе. Более того, изучая генеалогию понятия «студент» в 1914 – 1925 годы в студенческой среде А. Р. Марков впервые ставит вопрос о понимании студентами первой половины 1920-х годов самого предиката «красный» к слову «студент».

Касаясь проблемы идеологического воздействия государства на сознание людей, следует выделить монографию Е. М. Балашова о советской школе в первое послереволюционное десятилетие¹⁰. Автор изучает государственную реформу школьного образования в период с 1917 по 1927 годы в контексте большевистской идеи превращения учебных заведений в «орудие коммунистического перерождения общества». Е. М. Балашов показывает методы, использованные в средних учебных заведениях и направленные на формирование «нового человека социалистического общества». Его исследовательские подходы позволяют изучить государственную политику не просто как набор декретов и постановлений, выявленных и расположенных историком в хронологическом порядке. Они дают возможность рассматривать изменения школьного образования в контексте политических идей и представлений самих реформаторов.

Нельзя обойти вниманием исследование М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана¹¹. Рассматривая процесс возникновения, изменения и утверждения советских идеологем «культ личности» и «реабилитация», авторы не только показали внутрипартийную борьбу в постсталинском руководстве через призму трансформации идеологем, но и подчеркнули важную роль в процессе этой борьбы идеологического советского языка. Как показывают М. П. Одесский и Д. М. Фельдман, изучаемые ими идеологемы незамедлительно «реагировали» на малейшие изменения политических тенденций в руководстве страны. Авторы доказывают, что советский пропагандистский язык, представленный в данном

¹⁰ Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917 – 1927 гг. Становление «нового человека». СПб, 2003.

¹¹ Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика «оттепели»: материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности» // Нестор. 2005. № 7. С. 374 – 402; Они же. Пропагандистская схема XX съезда КПСС: история термина «реабилитация» в советской культуре // Там же. С. 403 – 426.

случае в идеологемах, являлся хорошим барометром политической жизни советского государства

Источниковая база Для проведения диссертационного исследования используется комплекс источников, включающий документы партийных съездов, постановлениия и распоряжения Народного комиссариата по просвещению и Главного комитета профессионально-технического образования, протоколы конференций рабочих факультетов и организации пролетарского студенчества, протоколы собраний партийных и комсомольских ячеек вузов, отчеты высших учебных заведений, образовательные программы вузов, прессу, воспоминания, заявления студентов и др. Многие из них не опубликованы и содержатся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), а также в архивах музея истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и музея Технологического института (Технического университета). Одним из главных источников для нашей работы является пресса. В диссертации используются журналы «Красный студент», «Красное студенчество», «Знамя рабфаковца», «Вестник рабочих факультетов», «Пролетарское студенчество», «Красная молодежь», «Студент-рабочий», «Рабфаковец», «Народное просвещение», «Вестник народного просвещения Союза Коммунистической Северной Области», а также газет «Правда», «Петроградская правда» и «Новый студент». Особый интерес к прессе обусловлен не только тем, что в ней публиковались правительственные постановления и сообщения, а также материалы выступлений партийных верхов, но и тем, что именно на страницах студенческих журналов воспроизводилась идеологема «красное студенчество».

Научная новизна работы Диссертация является первым комплексным исследованием «красного студенчества» как идеологема. Обращаясь к изучению государственной политики в области высшего образования, диссертант по-новому расставляет акценты исследования. Основное внимание в работе уделяется проблеме сущности идеологема, а также ее использования учащимися.

Практическая значимость работы Содержащиеся в диссертационном исследовании материалы, анализ и выводы могут быть использованы специалистами, изучающими особенности механизмов советской пропаганды первой половины 1920-х гг., а также средств воспитания «нового человека». Кроме того, представленный в работе материал может быть применен при подготовке учебных курсов, учебных и методических пособий.

Апробация работы Диссертация обсуждалась на заседаниях диссертационного семинара факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге и отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории РАН

Структура работы Диссертационная работа состоит из введения, двух глав заключения, списка литературы и источников

Основное содержание диссертации.

Введение содержит краткую характеристику актуальности темы, постановку проблемы, указание цели и задач исследования, хронологических рамок, а также историографический обзор и характеристику источников

В первой главе «“Красный студент” как идеологема. эволюция 1921 – 1924 гг.» рассматриваются основные компоненты идеологема «красное студенчество», а также ее изменения на протяжении первой половины 1920-х годов Ее основой стала идея о необходимости создания пролетарского студенчества, появившаяся ещё до революции в теоретических трудах А А Богданова о т н «пролетарском университете» Говоря об особом, безусловно классовом высшем учебном заведении, А А Богданов подчеркивал необходимость не только контроля за его социальным составом, но и коренного изменения академических программ Мнение о невозможности окончательной победы «социалистической революции» без создания «интеллигенции из рабочих и крестьян», разделяло и большевистское руководство (в том числе и В И Ленин), хотя нередко оно и выступало против «крайностей» позиции А А Богданова Это мнение отразилось в одном из первых образовательных декретов СНК РСФСР – декрете «О правилах приема в высшие учебные заведения» (от 2 августа 1918 года), который отменил вступительные экзамены, плату за обучение и социальные ограничения для поступающих в вуз Также в нем было объявлено, что приоритетным направлением советской образовательной политики является привлечение в стены высшей школы пролетарского контингента учащихся Доля рабочих и крестьян в составе студенчества в эти годы была, тем не менее, незначительна большая часть из них была не в состоянии учиться там, в первую очередь из-за отсутствия необходимого школьного образования С целью подготовки «пролетариата» к обучению в вузах с 1919 г стали открываться рабочие факультеты

В 1921 г, вместе с появлением в прессе идеологема «красное студенчество», был введен принцип командирования в вузы абитуриентов партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями Они принимались в первую очередь, однако должны были иметь уровень подготовки, предъявляемый к выпускникам школ II ступени и рабочих факультетов Несмотря на то, что командирующие органы были обязаны руководствоваться классовым принципом при отборе кандидатов, данный прием нельзя назвать исключительно

классовым, поскольку в этом учебном году не запрещалось поступать в высшую школу лицам, не имеющим командировок Правда, они оказались на нижней ступени иерархической лестницы поступающих в вузы и поэтому зачислялись в последнюю очередь в случае наличия свободных мест

1922 год стал «переломным» в советской образовательной политике, так как поступление лиц без командировок, согласно правилам приема, в советские вузы было сильно ограничено, а в некоторые – полностью закрыто. Общее количество вакантных мест распределялось между командировавшими организациями рабочими факультетами, ЦК РКП, ВЦСПС, ЦК РКСМ, ПУР, которые должны были направлять на учебу кандидатов, имеющих пролетарское или крестьянское происхождение. Происхождение абитуриента стало решающим фактором при его приеме в высшую школу. В «Положении о высших учебных заведениях» 1922 года, принятом СНК РСФСР, указывалось, что вузы «имеют цель распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности высшего учебного заведения должны стоять на первом плане»¹². Так законодательно были оформлены классовые цели деятельности вузов.

Противником готальной «пролетаризации» вузов выступала в 1923 г. руководитель Главполитпросвета Н.К. Крупская. Ее полемика с представителем Главпрофобра В.Н. Яковлевой была опубликована на страницах газеты «Правда». Классовую политику Наркомпроса Н.К. Крупская назвала «дворянской наыворот», так как право обучения в советских вузах стало «классовой привилегией». Она выступала за активную помощь рабочим и крестьянам при поступлении в высшую школу, но при сохранении возможности поступления туда «талантливых» детей из «нетрудовых элементов». В то же время Н.К. Крупская отмечала, что «люди не пролетарского происхождения прекрасно могут стать на точку зрения пролетарской идеологии», тогда как «люди пролетарского происхождения могут стать форменными буржуями».

Сложно ответить на вопрос о том, была ли это личная позиция Н.К. Крупской, или она всего лишь отражала позицию партийного руководства по вопросу о переменах в политике «пролетаризации» высшей школы. В любом случае, статьи Н.К. Крупской и последовавшие за ней публикации внесли существенные поправки в идеологему «красным студентом» мог быть даже не-пролетарий по социальному происхождению. Важнее было то «пролетарское сознание», то есть понимание задач, поставленных партией, общественная активность и другие особенности поведения, характеризующие его как сторонника советской власти. Кроме того, в идеологеме стали учитываться факты биографии, нейтрализующее «непролетарское» происхождение. Так, служба в РККА в период гражданской войны, как следовало из официальных текстов, являлась неопровержимым доказательством «классового

¹² ЦГА ИПД Ф 16 Оп 2 Д 1641 Л 21

сознания» учащегося, делавшего его «красным студентом» даже при отсутствии рабочего или крестьянского происхождения

Ослабление «пролетаризации» высшей школы проявилось и в изменении процента мест, распределяемых между командирующими организациями. Прослеживается тенденция к постепенному возвращению к конкурсной системе и ограничению принципа приема исключительно по классовому отбору (пока еще при сохранении лозунга о «пролетаризации» высшей школы). Если в 1922 году 85% мест было выделено для членов профсоюзов (в основном рабочих), партии и комсомола, то к 1924-1925 учебному году эта цифра уменьшилась до 45%. При этом с 2% до 25% повысился процент командировок, выделяемых для «талантливых» и «успешно закончивших» средние школы. Более того, появилась новая категория командирующих – «трудова интеллигенция».

Одной из причин «отступления» стала невозможность в короткие сроки подготовить в вузах специалистов, необходимых государству. Еще в 1922 году об этом писали в советской прессе (в частности в таком ключе высказывался и нарком просвещения А. В. Луначарский). Другой причиной, которая привела к ограничению «пролетаризации», была неэффективность существовавшей системы комплектования вузов. В 1923 г. ЦК РКП(б) и ЦК РЛКСМ заполнили своими командированными меньше вузовских мест, чем это требовалось согласно разверстке.¹³ Проблемой было и само установление рабочего или крестьянского происхождения учащегося.

Происхождение из ранее эксплуатируемых и материально необеспеченных классов, приписываемое «красному студенту», породило еще одну биографическую деталь в его жизнеописаниях – неграмотность как следствие невозможности получить какое-либо образование в царской России. Школьное образование, полученное в царской России, было, по крайней мере, в начале 1920-х годов политически невыгодным сюжетом студенческой биографии. Как отмечалось в советских агитационных текстах первой половины 1920-х годов, именно Октябрьская революция «открыла» для «красного студента» двери учебных заведений. До 1923 года к низкому уровню поступающих в вузы «пролетариям» приемные комиссии относились (или, по крайней мере, должны были относиться) как к должному, списывая это на «пролетарское» прошлое. К 1924 году, однако, ситуация изменилась. В первую очередь это было связано как с увеличением доли рабочих в составе студенчества, так и с окончанием «пролетаризации» высшей школы. В постановлении СНК РСФСР от 26 июня 1924 года «О порядке направления в ВУЗы» особо был сделан акцент на том, что командирующие организации должны посылать в вузы только «тех, кто по своим способностям и подготовке может с успехом обучаться в высшей школе».

¹³ Коммунистическое студенчество (По материалам учраспреда ЦК) // Правда, 1924, 10 мая

«Пролетарское» происхождение в 1921 – 1923 гг было не только залогом успешного поступления в вузы. Законодательно оно давало возможность избежать отчисления за академическую неуспеваемость. Зачисление студента в ту или иную классовую категорию, тем не менее, зависело как от отметки в его командировочном удостоверении и личной стратегии поведения, так и от представлений членов приемных, стипендиальных, проверочных и иных комиссий о классовых статусах. Существенной проблемой властей было установление четких критериев того, кого считать «пролетарием», а кого «чуждым элементом». Об этой проблеме свидетельствует как наличие графы «прочие» в официальных документах вузов, рассматривающих социальный состав учащихся, так и дискуссии по ряду вопросов, в частности о том, что считать «физическим трудом». Это было связано с тем, что нормативные документы не давали четких и однозначных критериев этого деления. Проблемы с определением социального статуса возникали также из-за высокой социальной мобильности людей в период НЭПа.

Другие качества, приписываемые «красному студенту», в целом оставались неизменными в изучаемый период. Часть из них не только воспроизводила жизненные реалии студенческого быта начала 1920-х гг, но и рассматривалась как обязательная (хотя и неприятная) особенность жизни «красного студенчества». Так, тяжелые условия повседневной жизни и связанная с этим необходимость поиска приработка для учащихся, «рабоче-крестьянский» гардероб были закреплены в идеологии как обязательные черты «красного студента». Кроме того, делались попытки физиологического обоснования пользы от совмещения физического и умственного труда, в том числе и с отсылками к трудам К Маркса. Наиболее активно эти идеи отстаивали А. Б. Залкинд и Н. К. Крупская.

Относительное материальное благополучие, «буржуазная» одежда и манеры поведения, желание заниматься только учебной и отказ от физического труда могли повлечь за собой исключение из категории «красного студенчества». Это лишало учащегося не только ряда материальных льгот, но и могло поставить под угрозу само его пребывание в высшей школе. Бедность была подтверждением статуса «красного студента», и учащиеся нередко прибегали к доказательству своей финансовой несостоятельности. Не менее важно и другое – в этот период продолжалось осуждение тех студентов, кто проявлял недовольство своими условиями жизни.

В данном контексте примечательна дискуссия о новой форме быта «красного студенчества» – коммуне. Она содержала как идеологическую, так и практическую составляющую. Идеологически она обосновывалась как истинно «пролетарская» форма организации быта, практически – показывала материальные выгоды, которые можно было извлечь из нее. Для пропаганды коммуны характерен еще один момент: практическое здесь преобладает над политическим. В условиях плохой материальной обеспеченности студентов

«житейские» аргументы должны были быть убедительнее, чем политические «агитки». Утверждать однако, что за продвижением идеи коммуны советской пропагандой стоял исключительно финансовый интерес нельзя. Так, одной из функций коммун стал взаимный политический контроль ее членов. Такие качества, также отмеченные в идеологии, как «дисциплина» и «пролетарская сознательность» требовали от «красного студента» безукоризненного выполнения распоряжений властей, делая его фактически проводником официальной политики.

Отдельно диссертантом исследуется использование учащимися советской высшей школы идеологемы «красный студент» в апелляционных заявлениях периода чисток вузов и рабфаков 1922 и 1924 гг., а также в других документах. Особой ценностью в этих документах наделялась семейная родовая идентичность пролетарское происхождение, родство с пролетариями, красноармейцами и членами партии, родство с угнетенными при царском режиме и с бедными было важным элементом «достойной» «красной» биографии, в худшем случае - отречение от непролетарской семьи. Самые разные социальные и профессиональные категории пытались подвести под определение «пролетарий» - от крестьянина до дворника, прачки или санитаря в больнице. Студенты пытались выдать за «пролетарское» происхождение сиротство и перенесенные в детстве тяготы, эти категории воспринимались как эквивалентные. Нормативное поведение в вузе также представлялось как один из аргументов в утверждении себя в качестве «красного студента». Из тьмы невежества, из неграмотного прошлого к свету учения - так описывали студенты свой путь в заявлениях. Изучение документов личного происхождения показывает, что студенты хорошо владели новым языком общения с властью. Его освоение произошло довольно быстро: до 1919 года включительно учащиеся петроградских вузов еще использовали дореволюционную форму обращения к власти, а с 1922 года утвердился новый стиль, связанный с самоописанием, доказательством своей полезности, с использованием отрывков биографии и идеологических клише.

Во второй главе «Методы формирования «красного студенчества»» изучаются меры, направленные на политическое воспитание учащихся, особенно после 1923 года, когда приоритетным направлением был обозначен не классовый принцип комплектации вузов, а изменение учебных программ и методик. В это время в партийном руководстве господствовала точка зрения о том, что человек (студент в частности) по своей сути является «материалом», который можно «обработать» в нужном направлении. Высшая школа рассматривалась при этом как своеобразная «лаборатория» для подобной «обработки». Изменения во внутренней жизни советской высшей школы, произошедшие в начале 1920-х годов, коснулись нескольких аспектов

Первый из них - политизация учебного процесса как одна из основных задач властей в деле политического воспитания, проявилась не только во введении в учебный план новых политизированных дисциплин (таких как политическая грамота), но и в переработке ранее существовавших академических программ в нужном для власти идеологическом ракурсе. В одних вузах этот процесс шел достаточно интенсивно и был завершен к 1924 г. В других высших учебных заведениях он начался лишь в середине 1920-х гг. Еще 4 марта 1921 года, было принято постановление Совнаркома РСФСР «Об установлении научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». Оно вводило в учебный план шесть новых «общественных дисциплин» изучение которых было обязательно для студентов всех вузов и факультетов Советской России. Наркомпрос в это время мог беспрепятственно изменять программы, содержание учебников и различных пособий, что облегчило процесс идеологического воздействия на студенчество.

Не менее важной составляющей советской школы, с точки зрения большевистских реформаторов образования, была та и «смычка» - обязательная практика студента в деревнях или на промышленных предприятиях в зависимости от его специализации. Она выполняла несколько функций. Идеологической задачей «смычки» было периодическое возвращение студента к станку или плугу с целью защиты его «сознания» от воздействий «буржуазной» атмосферы высшей школы. Для студента «пролетарского» происхождения «смычка» была одним из методов приобщения к рабочей жизни.

Вторая функция, которую выполняла «смычка», заключалась в сочетании теории с практикой в учебном процессе как особенность (так это позиционировали большевики) советских учебных заведений. Главной чертой «старой» школы, по мнению В. И. Ленина, был «полный разрыв книги с практикой жизни»¹⁴. «Социалистическая школа» обязана была преодолеть это: среди теоретических предметов должны были остаться лишь те, которые находили практическое применение. Необходимость «смычки» обосновывала и Н. К. Крупская, ссылаясь на опыт швейцарского педагога И. Г. Песталоцци. В центре воспитания в школе И. Г. Песталоцци был производственный труд, дающий «всестороннее развитие» и готовящий учащегося «к жизни, к труду». Н. К. Крупская противопоставляла метод И. Г. Песталоцци («соединение производственного труда и умственного развития») методу И. Ланкастера, основанному на «зазубривании», в котором она видела метод дореволюционной «буржуазной» школы. Третьей функцией «смычки» было предоставление студентам возможности иметь оплачиваемую работу во время учебной практики, что было значимо в условиях плохого материального положения студентов.

Помимо «смычки» обязанностью «красного студента» было участие в общественной работе. Под нею понимались агитационная работа среди рабочих, крестьян и даже учащихся

¹⁴ Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 41. С. 302.

вузов (для студентов комсомольцев и партизцев) участие в собраниях партийных и комсомольских коллективов, организация «вечеров спайки» с заводом и т.п. Участвуя в общественной работе, студент, таким образом, снова оказывался в роли агента советской власти. Сама идея «общественной деятельности» появляется в контексте идей «дисциплины» и «смычки». С одной стороны, это задача, поставленная партией, которую необходимо выполнять, с другой – способ доказать еще раз свое «пролетарское сознание».

Что касается производственной практики, то до 1923 г. она проходила далеко не во всех вузах. Ее обязательное и повсеместное внедрение началось только с постановления Совнаркома «О порядке прохождения практики студентами и оканчивающими высшие учебные заведения» от 22 мая 1923 года. Результаты практики студентов в 1923 – 1924 гг. были различны. Некоторые вузы писали об ее успешной реализации. Другие жаловались на недостаток мест для прохождения практики или на нежелание администрации предприятий и учреждений принимать практикантов, а иногда и на враждебность по отношению к ним. В официальных отчетах Наркомпроса признавалось, что идею производственной практики в 1923 - 1924 гг. реализовать полностью не удалось, хотя это не означало отказ от нее.

Для преодоления разрыва между теорией и практикой в вузах Наркомпрос также предполагал ввести «бригадно-лабораторный» метод обучения. Его идея появилась и развилась в американской педагогике, основой которой стала философия прагматизма. Одним из главных пропагандистов этой идеи в Советской России стала Н.К. Крупская. «Бригадно-лабораторный» метод обучения противопоставлялся существовавшей с дореволюционной эпохи лекционной системе, которая рассматривалась в советских текстах как «буржуазная», и, следовательно, неприемлемая для советской школы. Ее «буржуазность» видели в том, что она лишала студента самостоятельности: фактически он должен был знать содержание лекционного курса для получения зачета. Введение же «бригадно-лабораторного» метода сводило роль преподавателя-лектора к роли простого консультанта, который читал только вводную лекцию, следил за работой студентов в предметных лабораториях и подводил итоги этой работы. Н.К. Крупская высказывала даже мнение о том, что новый метод был формой обучения именно для «пролетариев», которые тяжело усваивали, в силу их особой «психологии», теоретический материал.

Предпринимались и попытки политизации досуга студентов путем создания студенческих клубов и различных кружков (научных, творческих, спортивных). Методическое руководство их работой осуществлялось из единого центра через разнообразные инструкции и методические пособия. Вузы и рабфаки также отсылали отчеты в центр о проделанной работе. Клубы, таким образом, были лишены возможности самостоятельно составлять программы и определять способы их реализации. Даже если они были образованы на общественных началах, то всё равно подчинялись директивному

указаниям Наркомпроса Клуб приобретал две функции политическую и академическую Первая заключалась в «политическом просвещении» студенчества, вторая - в углубленной проработке вузовского учебного материала Клубы и кружки способствовали индивидуализации в обучении, выявляя у студентов их учебные интересы С 1922 г даже делались предложения о том, чтобы летние каникулы учащихся использовать для клубной работы. экскурсий, лекций, диспутов и т.п. Считалось, что летний перерыв отрицательно сказывается на учебном процессе, поскольку студент оказывался вне влияния партийных и профсоюзных органов С одной стороны, клубы были своего рода контролерами за внеучебными формами жизни студенчества С другой стороны, работа в каком-либо кружке предполагала также вовлечение его членов в общественно-политическую жизнь

В первой половине 1920-х годов происходит создание сети контролирующих структур в высшей школе профсоюзных, партийных и комсомольских ячеек На них были возложены задачи реализации всех постановлений «сверху», контроля над студенчеством и иные административные обязанности Профсоюзы пытались привлечь и к материальному обеспечению учащихся Из дореволюционных студенческих организаций к 1924 г в высшей школе сохранились лишь землячества, которые, однако, попали под контроль вузовской администрации и партийных органов учебных заведений Сохранение земляществ, как центров экономической взаимопомощи учащихся, связано, прежде всего, с невозможностью государственных структур дать студентам достаточное материальное содержание

В заключении диссертации подводятся итоги и представляются общие выводы исследования

Идея создания «пролетарского университета», возникшая в большевистских кругах еще до революции 1917 г, фактически начала реализовываться с декрета СНК РСФСР от 2 августа 1918 г, хотя до 1921 г государство еще не столь активно, как позднее, вмешивалось во внутреннюю жизнь высшей школы Рабочее или крестьянское происхождение стало важнейшей составляющей идеологии «красное студенчество» со времени ее появления на страницах прессы в 1921 году Сама «пролетаризация» вузов оказалась неудачным проектом властей, отход от которого начался уже в 1923 г с выступления Н.К. Крупской на страницах газеты «Правда» 1924 г важен как переломный в советской образовательной политике в области высшей школы критика идей тотальной «пролетаризации» советских вузов со стороны властей и принятие в качестве определяющей идеи политического воспитания учащихся вне зависимости от их социального происхождения привели и к изменениям идеологии Наиболее важное из них заключалось в том, что происхождение из рабочих или крестьян. первоначально обязательное для «красного студента», стало к 1924 г, скорее желательным, но вполне заменимым другими сюжетами в жизнеописании Объявление «пролетарской сознательности» главным качеством «красного студента» сделало возможным

включение в эту группу учащихся в зависимости от личной стратегии поведения. Не только правильное происхождение, но и нормативное поведение давало студенту право быть «красным»

Само «пролетарское» происхождение, тем не менее, давало некоторые привилегии «красному студенту» и после 1924 г. на стипендии, согласно установленному декретами порядку, в первую очередь должны были зачисляться рабочие и крестьяне. Кроме того, за выпускниками рабочих факультетов сохранялось право первоочередного поступления в вузы без экзаменов. Эта категория учащихся, тем не менее, была лишена академических послаблений, списываемых ранее «благодаря» их пролетарскому прошлому. Более того, чистки 1922 и 1924 гг. показали, что «пролетарское» происхождение не являлось панацеей от зачисления в категорию «чуждых». В числе исключенных студентов были как «непролетарские» элементы, так и рабочие и крестьяне.

«Красный студент» как идеологема являлся пропагандируемым идеальным типом советского студента, которого власти желали видеть в стенах высшей школы. Она отражала нормы достойного поведения и биографии учащегося советского вуза. Стимулом к соблюдению всех нормативных образцов, предложенных в идеологеме, были как карательные (самый яркий пример, исключение из учебного заведения в период «чистки»), так и экономические меры (стипендии, общежития, работа в студенческих трудовых артелях).

Проект по созданию «красного студента» выразился не только в текстуальных формах. Он предполагал использование ряда мер, направленных на политическое воспитание учащихся. Ослабление классовых принципов комплектования вузов происходило параллельно с развитием большевистскими теоретиками образования (Н.К. Крупская, А.В. Луначарский и др.) идеи о политическом воспитании учащихся в стенах высшей школы. Для реализации этой задачи в 1923 – 1924 гг. были разработаны и начали внедряться новые учебные программы, создавались контролирующие органы, менялись методики и принципы преподавания, предпринимались попытки политизации досуга студентов. При реформировании учебного процесса в вузах использовали американский опыт, суть которого заключалась в увеличении в академическом плане часов самостоятельных практических занятий за счет уменьшения теоретической подготовки.

«Красный студент» как идеологема не остался исключительно на страницах советских журналов и газет. Исследование различных заявлений студентов показало, что учащиеся вузов и рабфаков начала 1920-х гг. не только были хорошо знакомы с идеологемой, но и активно использовали ее в своих личных целях. Представляя себя в качестве «красных студентов», посредством включения в свои заявления выборочных автобиографических

сюжетов и характеристик, они просили стипендии и место в общежитии, а также жаловались на неправомочность их исключения из учебного заведения в ходе чистки

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

В журнале, реферируемом ВАК

1. Андреев Д.А. «Красное студенчество» 1921 – 1924 гг.: контуры образа. (К вопросу об обязательности «пролетарского» происхождения) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории Вып. 20. М., 2007. - С. 270-284, (0,5 п.л.)

Прочие работы

- 1 Андреев Д А Советский студент первой половины 1920-х особенности самопрезентация // Социологический журнал 2007 № 2 С 156 – 166 (0,5 п л)

Лицензия ЛР №020593 от 07 08 97

Подписано в печать 26 09 2007 Формат 60x84/16 Печать цифровая
Усл печ л 1,0 Тираж 100 Заказ 2030б

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного автором,
в Цифровом типографском центре Издательства Политехнического университета
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул , 29
Тел 550-40-14
Тел /факс 297-57-76